

С.Б. Сорочан

К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХЕРСОНЕСКОГО ЗАГОРОДНОГО МОНАСТЫРЯ БОГОМАТЕРИ ВЛАХЕРНСКОЙ

Изучение христианских храмов Херсона показывает, что их привязка шла в основном к местам старых языческих храмов. Вместе с тем, дороговизна земли в византийском городе объясняют, почему культовое строительство началось на окраинах и за пределами оборонительных стен. Кроме того, соблюдение старинного запрета на захоронения внутри города тоже вынуждало к развитию культа мощей за его пределами. Именно поэтому церковное строительство, вероятно, довольно рано должно было проявиться прежде всего вне города, долго, по крайней мере до V в., сохранявшего устойчивые языческие настроения, и со временем вылилось в возведение загородных монастырских комплексов и видных храмов уже после окончательной, «законодательной» победы христианства. Как и следовало ожидать, такого рода сооружения тяготели к некрополю, особенно обширному с южной стороны Херсона, около Карантинной бухты. По словам К.К. Косцюшко-Валюжинича, ведшего здесь раскопки в 1896 - 1897, 1901 - 1907 гг., кладбище представляло собой «сплошной пчелиный улей склепов и могил, часто в два яруса»¹. Возведение на нем кладбищенских христианских храмов было неминуемо, ибо ромейское духовенство считало служение ради усопших в святости, погребальную службу одним из шести таинств - мистерий

(mysterion), предписанных Богом².

Один из них, отчетливо выраженной крестовидной формы, ныне известный как Южный загородный храм, был выстроен в 250 м к югу от угловой башни Зинона (№ XVII) и 20 куртины оборонительных стен. Несмотря на довольно долгое, продолжающееся уже столетие исследование этого комплекса сначала К.К. Косцюшко-Валюжиничем, затем А.Л. Бертье-Делагардом и Д.В. Айналовым, последующие исследования О.И. Домбровского, памятник, хорошо известный специалистам, остается одним из самых любопытных, но до конца проясненных, порождает противоречивые толкования, датировки, которые могут быть подвергнуты пересмотру и уточнению. Особенно это касается его интерпретации и «хронотопа», поскольку за последнее время византинистикой получены данные, позволяющие по новому взглянуть на некоторые, прежде ускользавшие от исследователей особенности интересующего нас археологического объекта.

Архитектурный комплекс, наряду с большим крестообразным храмом, входил «малый храм», похоже, небольшая церквушка или часовня с широко открытым входом, видимо, жилые и прочие вспомогательные помещения с северной стороны от обоих храмов, и все это было обнесено каменной оградой, отчасти выло-

женной в технике *opus mixtum*, с полукруглым юго-западным углом, которая охватывала площадь 1278 кв. м (по обмеру К.К. Косцюшко-Валюжинича)³. Форма этой ограды, судя по схематичному плану раскопок 1902 г., была прямоугольной, со скругленным углом, однако местами она сильно пострадала, была разрушена почти до основания, что оставляет вопрос о ее первоначальной конфигурации открытым. Во всяком случае, в «Изъяснении плана развалин древнего Херсона», составленного к топосемке 1786 г., К.И. Габлицем указан южный загородный храм (под литерой G) и сказано, что здание окружено «осьмиугольную стеною»⁴. Учитывая, что план был выполнен квалифицированным топографом Пепелевым с высокой точностью в масштабе 1 : 21000 в таком заключении трудно сомневаться. П.С. Паллас тоже писал об осмотренном им в 1794 г. разрушенном загородном «восьмиугольном здании» с колодцем, где текла чистая вода⁵. Этот ориентир не оставляет сомнений, что имелся в виду все тот же комплекс крестообразного храма. Посетивший памятник П.И. Сумароков тоже отметил основание здания, которое «окужалось восьмиугольной стеною, с подземным под ним ходом»⁶. Такие ограды, внутри которых жило сообщество монашествующих, служивших службу в храме, называли на Руси погостами или монастырями⁷. К херсонесскому монастырю от города вела с северо-запа-

да хорошо укатанная дорога, усыпанная щебнем и известью. Очевидно, здесь же она входила внутрь ограды - перивола. Заведующий раскопками отметил: «...направление дороги от храма к городищу было, по видимому, то же, что нынешней дороги к монастырю [св. Владимира] мимо пороховых погребов», то есть она огибала восточный склон холма высотой более 30 м, известного под названием Девичья горка⁸.

Стена ограды заслуживает особого внимания, поскольку она была сложена из притесанных квадров на извести, что придавало всему комплексу вид «крепостцы», по выражению А.Л. Бертье-Делагарда⁹. С северной стороны она сохранилась лучше всего, до высоты 2 м, причем на высоте 1,7 м начиналась кладка *opus mixtum*, от которой ушелело три ряда плинфы с мощными прослойками раствора, в полтора раза превышающими толщину кирпича (табл. 1)¹⁰. Примечательно, что параметры этой кладки наиболее близки зданию «апофики» в портовом районе, базилике № 28 на агоре, Северной базилике и баптистерию около Уваровской базилики, то есть сооружениям конца VI - начала VII вв., а размеры плинфы совпадают с кирпичами, которыми было вымощено дно некоторых ранневизантийских рыбозасолочных цистерн¹¹. Уже одно это обстоятельство может служить косвенным указанием на приблизительное время завершения сооружения всего монастырского комплекса.

Таблица 1

Сооружения с кладкой opus mixtum в раннесредневековом Херсоне и его округе

Объект	Размеры плинфы (в см)	Толщина прослоек раствора (в см)	Количество рядов	Время сооружения
13 куртина	28-29x28-29 x4-4,5	4	4	V - VI вв.?
Общественное здание ("термы" или ятрина) около castellum aquae и 13 куртины	28-29 x 28-29 x 3,5-4,5-5	4 - 5	4 - 6	V - VI вв.?
Здание "апофики" в портовом квартале 2	27-28 x 27-28 x 3-4	5	5	нач. VII в.
Постройка невыясненного значения возле небольшого храма (обнаружена в 1902 - 1904 гг. "между складом древностей и откосом, занятым казематом крепостной артиллерии" "Здание Г" ("дворец") около пересечения главных продольной и поперечной улиц	?	?	?	IV - VI вв.?
	?	?	?	IV - VI вв.?
Базилика № 28 на агоре	25 x 25 x 4,5	5	4 - 6	вторая пол. VI - нач. VII вв.
Крестовый храм №27 на агоре	?	?	не менее 3	VII в.?
Восточная базилика (№ 36)	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Баптистерий около Уваровской базилики	28-29 x 28-29 x 3	6 - 7	4 - 5	конец VI - нач. VII вв.
Южная "галерея" Уваровской базилики	24 x 17 x 3	5	4	конец VI - нач. VII вв.
Северная базилика (№ 22)	30 x 30 x 3	7	4	конец VI - нач. VII вв.
Базилика 1932 г.	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Западная базилика (№ 13)	?	?	?	конец VI - нач. VII вв.
Тетраконхиальный купольный храм (№ 47)	26 x 13 x 3; 30 x 18 x 3	?	?	третья четверть - конец VI в.
Ограда Южного загородного храма Богородицы Влахернской	40 x 23 x 3,5; 35 x 23 x 4	5,5	уцелело 3	вторая половина VI - VII вв.
Многокамерная постройка в раннесредневековом поселении "Приморское" в Ластинской котловине	?	?	?	VII - VIII вв.?

Занимавший главное, центральное место крестовидный храм имел четыре двери и, значит, был доступен с любой стороны. Д.В. Айналов возражал против наличия входа в восточной части креста, где был устроен алтарь. Он указывал на то, что пол здесь был выложен мраморными плитами, позднее замененными плинфой, тогда как роскошный мозаичный пол с бордюром проходил только по границе этой алтарной части и не входил в нее. В случае наличия четырех дверей он должен был быть и в этой части храма¹². Однако сомнения в существовании входа в восточном крыле храма были окончательно развеяны исследованием в 1906 г., наличие здесь двери было признано «беспримерным, но тем не менее бесспорным»¹³. Следовательно, остается заключить, что мозаичный пол, положенный вровень с половой цемянкой, подстилавшей мраморные плиты, был выложен позже, когда в восточной части храма все же решили устроить алтарь, а восточную дверь по этой причине заложить.

Толщина стен в 0,9 м, сложенных из известки, и присутствие довольно широких заплечий и арочных тяг указывает на несомненное существование сводов над четырьмя ветвями креста, что требовало стропильного или, скорее, коробового, но не обязательно купольного покрытия центрального пространства¹⁴. Видимо, не ранее второй половины XI в. после разрушения храма в результате мощного землетрясения, при его перестройке коробовый кирпичный свод оказался заменен конической крышей на деревянных стропилах¹⁵.

Плинфа размерами 0,27 x 0,27 x 2 см и 25 x 14 x 4 см от этого свода вошла как простой материал в предалтарную вымостку и в небрежную кладку стены, сложенную на мозаичном полу в правом крыле храма, судя по обнаруженной монете с «ро»¹⁶. К пристройкам, но гораздо более раннего времени, очевидно, одновременным с сооружением алтаря и роскошного мозаичного пола, относится небольшая пастофорий, скорее всего, крещальня с апсидой, устроенный впритык к юго-восточному углу креста. Воду наливали в имевшуюся здесь Т-образной купели по трубе через стену из небольшого резервуара снаружи, вырубленного из цельного камня и перекрытого сводиком¹⁷. Следует подчеркнуть, что это было приспособление именно для наполнения купели, ибо, согласно обычаю, ее следовало заливать вручную¹⁸. Есть мнение, что водоем являлся талассой или хонефтерионом - резервуаром для мытья литургических сосудов и омовения рук священника¹⁹. Однако к настоящему времени эту точку зрения можно считать устаревшей²⁰. Малые размеры купели (0,25 x 0,35 м и глубина 0,77 м) не должны вводить в заблуждение. Они указывают лишь на переход к обычаю крестить детей, новорожденных, что на Востоке, в Сирии совершали уже к началу VI в.²¹ Вместо трехкратного погружения осуществляли окропление или омовение, поскольку погружение в «живую воду» было практически невозможно соблюсти в небольшой церкви. Весь ритуал, то есть все части крещального обряда (отречение от сатаны, крещение, миропомазание)

зачастую происходили не в самостоятельных помещениях, как это было в редких баптистериях процессионного типа, а в рамках одной, порой весьма небольшой комнаты. Примечательно, что верхняя плоскость купели загородного храма, встроенная в апсиду, образовывала нечто вроде стола, какой изредка встречается в баптистериях²². На такие столы могли ставить сосуды с освященным маслом, которое использовали для миропомазания окрещенных. Это тем более вероятно, что рядом, как и в большинстве херсонесских баптистериев, не было помещения хрисмарiona (консигнатория) для совершения этой части обряда. Расположение крещальни рядом с алтарем, в пастофории или в боковой апсиде было особенно характерно для сирийской традиции и встречается в разных областях христианского Востока²³. Строительство ее также вблизи кладбищенских погребений вполне объяснимо христианской идеей сближения крещения и смерти, что демонстрируют слова апостола Павла: «Неужели не знаете, что все мы, крестившиеся во Христа Иисуса, в смерть Его крестились? Итак, мы погреблись с Ним крещением в смерть, дабы, как Христос воскрес из мертвых славою Отца, так и нам ходить в обновленной жизни. Ибо, если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения» (Рим. 6: 3 - 5). Кроме того, подвиги мучеников, по преданию здесь захороненных, должны были особенно вдохновлять принять крещение именно среди «святых могил» (*inter tumulos sanctorum*)²⁴.

Помещение баптистерия, вымощенное, как и соседствующая алтарная часть, мраморными плитами, имело две двери, переделанные из прежде находившихся в этом крыле креста окон, и два окна, одно над купелью и другое в южной стене. Не подлежит сомнению, что оно было построено позже самого храма, поскольку его пристраивали к последнему и это сопровождалось устройством двух окон и двух дверей²⁵. В то же время, очевидно, что это произошло в скором времени после возведения храма, поскольку в характере кладки стен здесь не наблюдалось никакого различия от кладки остальных частей храма²⁶. Узкий простенок с нишей для наливания воды был выложен из отдельных камней для удобства ремонтов канала путем извлечения этих камней с последующей постановкой их на прежнее место.

Слева к храму примыкала трехкамерная постройка из соединенных друг с другом помещений, имевших вход с запада, из храма, через дверь, переделанную из окна. Следовательно, сооружение с левой стороны восточной ветви креста возвели не ранее устройства алтаря и крещальни на противоположной стороне ветви креста. В первом помещении полы были из каменных плит, а внутри следующего находились прямоугольная яма, похожая на цистерну, с тонкими стенами сложенными из плинфы и два других углубления, вероятно, хозяйственного назначения²⁷. Это обстоятельство указывает, что боковые ассиметричные, разной формы и величины пристройки к восточной ветви храма не могут быть признаны жерт-

венником - професисом (справа) и диаконником (слева)²⁸. «Професис» был снабжен купелью, в нем неуместной, а противоположное ему выстроенное прочно строение, по мнению А.Л. Бертъе-Делагард, перекрытое крестовым сводом²⁹, имело, очевидно, преимущественно жилое назначение, а также могло служить хранилищем. Оно появилось не ранее второй четверти VI в., поскольку под полом первого помещения находился склеп с пятью нишами-лежанками, в котором среди прочих материалов, в частности, «пяти глиняных малых лампочек крайне грубой работы, обычных для V - VI вв., оказалась монета Юстиниана I.³⁰

К востоку, за алтарем храма был устроен еще один, но малый однонефный, — вероятно, поминальная, мемориальная церковь или часовня, перекрытая сводом, причем массивная апсида этого сооружения с пятью полукруглыми нишами с сиденьями, устроенными в стенах, выдавалась подобно полукруглой башни за пределы монастырской ограды, будучи включена в нее точно посередине, что указывает на одновременность их строительства³¹. Учитывая слишком широкий вход с западной стороны, арочный пролет в 2,30 м едва ли не на всю ширину постройки, А.Л. Бертъе-Делагард пронизательно заметил, что таких дверей не бывало и в больших храмах и предположил, что «весь низ постройки назначался для свободного, открытого пользования им, например, для караула или для богомольцев, которым и были устроены пять сидений в апсиде», а сверху находился еще ярус, предназначенный для обороны³².

Так или иначе, в качестве подсвечника здесь служил античный мраморный пьедестал с вертикально стоящей палицей Геракла (h - 0,80 м), языческий облик которого ни мало не смущал паломников и монахов, видимо, следовавших принципу, что негоже отвергать хорошее даже если оно исходит от «эллинов».

Уже к 1906 г. было совершенно ясно, что довольно небрежно сложенный синтрон, киворий на каменных базах и мощение плинфой в восточной, алтарной части крестовидного храма были выполнены «гораздо позже красивого мозаичного пола»³³. Плинфа, вероятно, использованная вторично из разрушенного прежнего свода, лежала здесь на тонком слое извести, а ниже шел более толстый слой цемьянки, вровень с цемьянковым основанием мозаичного пола. Учитывая обнаружение следов строительства с монетой с «ро» и поливной керамикой, эта перестройка произошла не ранее второй половины XI в., после чего храм продолжал относиться к числу крупных, значительных церквей, на что особенно наглядно указывают столбы кивория над престолом. Но изначальная дата постройки оставалась открытой. Большинство исследователей склонялось к ранневизантийскому времени. Вслед за Н.П. Кондаковым К.К. Косцюшко-Валюжинич называл V в., тогда как его оппонент, А.Л. Бертъе-Делагард считал «вправе с уверенностью заключить, что здесь мы имеем дело с постройкой VI века»³⁴. Напольную мозаику храма он относил к VII - VIII столетиям, тогда как А.Л. Якобсон датировал ее VI в. и связывал с

перестройкой первоначального крестообразного мавзолея - мартирия V в. «в связи с созданием здесь, в центре христианского некрополя, в освященном христианской традицией месте, загородного монастыря» в честь Богородицы Влахернской³⁵. По мнению Л.В. Фирсова, наиболее вероятно строительство произошло во второй половине V - первой половине VI в.³⁶ А. Пелин датирует его «эпохой Юстиниана (527 - 565)»³⁷. В общем, это совпадает с выводом А. Грабаря, который относил херсонесские постройки к плану в виде свободного креста ко времени не позже VI - VII вв. и полагал их заимствование, по-видимому, из ранневизантийской Малой Азии или Сирии и Палестины³⁸. Действительно, крестовидные церкви в V - VII вв. были популярны повсюду на Востоке - в Малой Азии, особенно в Каппадокии и Ликаонии, в Восточном Причерноморье³⁹.

В фундаменте северо-восточной части крестовидного храма, в наружном углу прямоугольной апсиды М.И. Скубетов в 1902 г. нашел закладной камень с вырезанной на нем христорограммой⁴⁰. Она сочетала в себе черты хрисмы и изображения креста с расширяющимися концами, в результате чего получалась фигура в виде перечеркнутой греческой буквы Р (rho). Подобные символы появились в IV в. и широко распространились в V - VI вв. Позже VI в. употребление такого знака на закладном камне выглядело бы анахронизмом. Впрочем, не лишено смысла объяснение его появления тем, что строители «бережно изыяли» камень с христорограммой из развалин «более древнего храма» и положили

в основание «нового храма»⁴¹. Тем более есть свидетельства, говорящие в пользу существования такого раннего храма, предшествовавшего крестообразному. Скорее всего, ему принадлежала мраморная плита вторичного использования с проксенической надписью 129 / 130 г. н.э. в честь гражданина Гераклеи Понтийской, которая была переделана в порог. После разрушения раннего храма, эту плиту с отбитым краем вновь использовали, на этот раз для укрепления перекрытия входа в склеп № 1431, расположенный под северо-восточным углом крестообразного храма⁴². К интерьеру раннего храма могла также принадлежать превосходно выполненная, полированная мраморная профилированная полукруглая очень большая база, сзади срезанная для прислонения к стене, вырезанная надпись на которой просила молить (euches) неведомого ктитора и всех сродников его (ton diapheronton autois)⁴³. То же самое можно сказать об обнаруженных К.К. Косцюшко-Валюжиничем двух фрагментах мраморного культового стола второй половины IV - начала V вв. (mensa sacra) с низкорельефными изображениями головы юноши в профиль влево, а также двух животных, видимо, барана и грифона, головами друг к другу⁴⁴. Такие круглые, иногда квадратные или сигмообразные «вспомогательные», «второстепенные» столы, похожие на большие мраморные блюда диаметром от 0,6 до 1 м, в IV - VI вв. служили не для престола евхаристии. Прихожане клали на них дары как на професис («стол предложения»), они стояли в мемориальных

часовнях, а иногда в баптистериях, на них ставили сосуды или использовали в качестве столешницы во время совершения поминальных служб и агап («трапез любви»), которые устраивали над могилой мученика, а случалось, ими закрывали саму гробницу (*mensa martyrum*)⁴⁵. Обряд поминовения на трапезе, по-видимому, включал омовение, то есть освещение менсы, пение, ритуальные танцы, моления и собственно трапезу, для которой на столик и надгробную плиту ставили хлеб и рыбу, чаши с вином, а иногда делали возлияния елеем и вином прямо в погребение, делясь трапезой с покойным. В некоторых ранневизантийских церквях их находят по два или по три, в различных дополнительных помещениях церквей, рядом с алтарем. Вблизи малого храма или часовни оказались фрагменты еще одного большого беломраморного «блюда» (диаметр - 1,10 м, высота — 0,06 м), но без изображений, которое тоже могло служить менсой, а не диском для отправления проскомидии, поскольку диски обычно были керамическими или стеклянными и гораздо меньшего размера⁴⁶. Кроме того, при раскопках южной пристройки, являвшейся крещальней с небольшим водоемом, был найден угол известнякового карниза, украшенный рельефной львиной головой с разинутой пастью, а снизу крестом с расширяющимися концами внутри медальона⁴⁷. Не исключено, что ранний храм, предшествовавший большому крестовидному, мог иметь амвон. Во всяком случае, поздняя могила №1407, устроенная в северо-западном углу левой стороны боль-

шого храма и разрушившая красивый мозаичный пол, оказалась выложена «кусками мраморных плит с частями выпуклого креста и прямолинейным орнаментом», а один из фрагментов К.К. Косцюшко-Валюжинич без колебаний отнес к элементам амвона⁴⁸. Поскольку поздний храм такой конструкции явно не имел, она должна была предшествовать его появлению.

О.И. Домбровский, руководивший в 1951 и 1953 гг. исследованием остатков крестовидного храма, установил, что первоначально на этом месте находился небольшой одноапсидный храмик «базиликальной» формы с полом из хорошо отшлифованных, вероятно, мраморных плит, который исследователь отнес к V - VI вв.⁴⁹. Решающим аргументом для такой датировки явилось исследование содержимого насыпи тех позднеантичных могил, которые оказались под храмом и содержали 16 монет IV в., а также монету первой пол. V в., найденную в насыпи непосредственно под нижним полом самого храма⁵⁰. Однако материал, извлеченный из насыпи могилы «Д», перекрытой малым храмом, заставляет усомниться в однозначности выводов О.И. Домбровского, ибо представлен целой серией уже упоминавшихся малых грубых светильников, подражавших сирийско-палестинским образцам V - VI вв., одним из типов поздних малоазийских светильников того же времени, подражанием так называемым фракийским или североафриканским светильникам, бывшим в ходу до конца VI - начала VII в., а также горлом амфоры типа 95 по И.Б. Зеест, который ныне считается западноафо-

зийского, возможно, сардского производства и существовал со второй половины V в. до середины VII в.⁵¹ Из всего вышеизложенного можно заключить, что постройка раннего, меньшего храма могла произойти как в V в., так и в VI в.⁵², но обе стройки - старую и новую разделяло не очень много времени. Внести в этот вопрос уточнение, как кажется, помогает анализ внутренней логики событий, разворачивавшихся в ранневизантийском Херсоне.

Скорее всего, возведение нового, более просторного крестовидного мартирия с четырьмя дверями - храма центрического типа, вошедшего, как убедительно доказал Д.В. Айналов, в комплекс небольшого загородного монастыря Богородицы Влахернской, совпала с остальным монументальным культовым строительством в городе, наиболее интенсивно проходившем во второй половине VI в. и до начала VII в. Тогда становится понятно, почему житийные памятники второй половины VII - начала VIII вв. единогласно утверждают, что папа Мартин I, умерший в херсонесской ссылке 16 сентября 656 г., был похоронен рядом с «весьма ценным» (*pretiosissimo*), «великолепно (величественно) украшенном (убранном)» (*magnifico decore ornato*) храмом монастыря Богородицы Влахернской, очевидно, построенном на месте снесенного прежнего малого храма, едва ли удостоившегося бы столь пышных эпитетов⁵³. От этого нового убранства, кроме великолепной напольной мозаики с особенно впечатляющим изображением огромного канфара и павлинов, дошли почти 11,5 тыс. ку-

сочков смальты и каменной мозаики, видимо, украшавшей стены алтарной части, мраморные плиты пола и десять обломков от нижней части большого мраморного образа с рельефным, выполненным в технике выемчатого фона изображением благославляющего Христа с большим крестом и св. Фоки Кипура (Садовника), прославляемого агиографией за занятие делами благотворительности, устройство странноприимных домов. На гладкой рамке плиты снизу сохранилась лишь часть надписи, которую В.В. Латышев восстанавливал предположительно как «...его же имя Бог знает» (...*oe|u o Theos to onom|a oiden*)⁵⁴. Фон образа был заполнен цветной мастикой (стуком). Судя по находкам нескольких фрагментов, даже кровельные черепицы здания были украшены на выступающей части белыми, красными и черными полосами с черными кружками⁵⁵.

О «гробнице выдающегося мужа» Мартина (*eximii viri memoria*) и ее посещении «сколь угодно часто» (*quanvis...frequentatur*) вспоминал св. Елигий, который скончался в 659 г.⁵⁶ Поэтому Д.В. Айналов заявлял, что год кончины Елигия «...хорошо датирует постройки крестообразного храма, служа для них в качестве *terminus ante quem*». Однако это не совсем верно, ибо он не принял во внимание свое же собственное наблюдение, что в источниках VII - VIII вв. речь идет об усыпальнице, гробнице (*memoria, to mnema*), которая находилась при храме, рядом с ним, а не о самом храме, уже существовавшем к этому времени и пережившем в общей сложности по меньшей мере

три этапа постройки (малый храм, большой храм, устройство алтаря и крещальни)⁵⁷. Второй из них оказался кардинальным и полностью изменил первоначальный облик небольшого сооружения, превратив его в достаточно просторный крестовидный храм.

Собственно мартирием могли служить три соединенные проходами стандартных подземных склепа с нишами - лежанками (№1409 - 1411) под западной и центральной частью храма, вход в которые был пробит снаружи, с северо-западной стороны (А.Л. Якобсон ошибочно указал — с южной), и еще одна обособленная усыпальница (№1406) старательной работы в виде удлиненной трапедии с лежанками в двух продольных стенах, арковидной нишей в задней стене, с арковидным входом и полукруглым потолком, вырубленная во время или, как считал К.К. Косцюшко-Валюжинич, после строительства храма под его правой (южной) ветвью⁵⁸. В этом случае связь баптистерия с усыпальницей под ней едва ли случайна. Сирийская традиция, то и дело обнаруживаемая в элементах устройства храма, знала обычай сохрания чтимых мощей в пастофории, а купель крещальни символически была связана с идеей жизни и смерти⁵⁹. Впрочем, присутствие склепов под храмом не может служить надежным указанием на наличие именно здесь мартирия, поскольку присутствие в церквах привилегированных, чтимых захоронений, явно делаемых с разрешения епископа, еще не основание считать их собственно мартирием, который тем не

менее где-то поблизости был. Известно, что для культа мучеников служили и отдельные помещения или постройки при византийских церквах⁶⁰. Может быть, необходимость обустройства особо значительных «святых могил», наподобие будущей suo mausoleo или тпета - памятника папы Мартина I, и подвигла власти города, прихожан на решение разобрать прежний, сравнительно тесный храмик, и выстроить на его месте более просторный и богатый храм, ставший главной святыней «... в весьма чтимом (украшенном) доме (domo percolenda, sancto domo, oiko de pansebasmio, agio oiko)» или иначе — «в монастыре (in monasterio) непорочной Девы Марии матери Господа нашего Иисуса Христа», «именуемом Влахернским» (quae cognominatur Blachernas, epilegomeno Blachernais), примерно на расстоянии стадия (quasi stadio uno, apo stadio enos) за стенами города Херсона» (exo teichon, extra muros Chersonitarum civitatis)⁶¹. Отчасти это подтверждает находка заклада с двумя монетами Феодосия I, четвертая - Льва I, двумя - Анастасия, 13 - Юстиниана I и пятой — неопределенными, среди которых могли быть как более ранние, так и более поздние, в стенке купели крещальни крестовидного храма⁶². Учитывая большую длительность обращения таких весьма распространенных монет в ранневизантийском Херсоне, можно допустить, что они были положены в ходе строительных работ по доделке храма, ведшихся во второй половине - конце VI в., или даже в первой половине VII в.⁶³. Сама необычная, T - об-

разная форма водоема весьма напоминает тетраконхальные купели сирийского происхождения, которые датируются второй половиной VI в.⁶⁴ В пользу существования храма в близкое к этому время говорит и сюжет его мозаичного пола, чьи изобразительные и декоративные мотивы не известны для более позднего времени ни в Херсонесе, ни в других местах Византии⁶⁵. Созданный на основе еще античных традиций этот ранневизантийский образец обнаруживает наибольшее совпадение с мозаикой «базилики в базилике» (№15), сооруженной не ранее правления императора Юстиниана I⁶⁶.

Тогда же становится более понятным и оправданным трудоемкое строительство того гидротехнического сооружения, которое было вырублено в виде шахты и подземного хода - галереи шириной и высотой около метра, местами чуть больше или меньше, протяженностью около 45 м поперек склона скалистого водораздела - гигантского природного «фильтра» из известняка, на плато которого возник загородный культовый комплекс. Его ограда прошла точно по краям галереи, по диагонали пересекавшей площадь, охваченную монастырем. Этот грубо прорубленный в скале длинный, извилистый дренажный канал, сообщающийся с шахтой со ступенями и колодцем - фиалом, находившимся рядом со стеной храма, собирал воду, поступающую из низкой, водоносной части балки, где вода стояла на уровне моря, и позволял обеспечить монахов и паломников не просто питьевой водой (для этого было бы достаточно обычных

колодцев), а что весьма важно, водой из источника - агисмы, вероятно, считавшейся целительной или даже святой по причине нахождения ее «в святом могильнике» (*positus...in tumulis sanctorum; inter tumulos sanctorum; en sorois agion*), как писали составители мартирия папы Мартина и схолии к краткому житию других сосланных в Херсон ортодоксальных «антиединовольцев» - свв. братьев Евпрепия и Феодора⁶⁷. Внутри подземной галереи, в районе ее средней части с шахтой колодца - фиала, закрывавшегося, по-видимому, откидной крышкой, не случайно были устроены в стенах 10 ниш для установки светильников или свечников⁶⁸. Следовательно, здесь периодически проводили соответствующие обряды, очевидно, связанные с водосвятием источника, посвященного Богоматери - целительнице. Папа Григорий II (715-731) в письме Льву III Исавру (717-741) тоже отмечал, что стекавшие сюда многочисленные паломники, приезжавшие издалека - с Боспора и с Севера (о *Borgas*), получали исцеление, дословно - «лечение», — *kai tas iaseis lambanontes*⁶⁹. О том же самом со слов очевидца сообщал в 1598 г. видный церковный писатель, кардинал Сесар (Цезарь) Баронио (ум. 1607 г.), подчеркивавший возможность обрести здесь благодать излечения⁷⁰. Подобная загородная агисма, где собирались больные, существовала возле Силиврийских ворот Константинополя, в Евдоме, предместье столицы, где находился храм Богоматери - целительницы, Богоматери «Живоносного источника», и можно было приобрести стек-

лянный сосуд - евлгий с «живоносной водой»⁷¹. Следует также принять во внимание, что монастыри, найдшиеся за городскими стенами, как правило служили одновременно передовыми сторожевыми крепостями - фрурами и иногда имели небольшие постоянные дворы - ксенодохионы или птохионы, чего можно ожидать и от херсонского Влахернского «дома»⁷². Во всяком случае, такую роль могли играть жилые помещения с северной стороны большого храма и часовни с сиденьями. Недаром здесь особо почитали св. Фоку Кипура, прославленного своей благотворительной деятельностью. Следует обратить также внимание на такой традиционный элемент обстановки входившей в архитектурный комплекс часовни как ниши - сиденья, которые могли предназначаться для особенно тяжелых больных, желающих исцелиться и с этой целью совершавших паломничество к «святым могилам» и агнасме⁷³.

Начало подземному сооружению было положено уже во II - III вв. н.э., судя по находкам соответствующей керамики на дне подземелья⁷⁴, когда эта территория входила в состав действовавшего языческого некрополя, но стремление расширить протяжение водосборной площади канала за счет вырубки в скале новых коленей галереи должно было возникнуть лишь с возникновением над уже заброшенными языческими могилами и склепами крупного христианского культового комплекса. Одинокий, небольшой кладбищенский одноапсидный храмик в подобном устройстве для дренажа и резервирования воды не нуждался бы, как не нуждал-

ся бы в шести колдцах (пяти круглых и одном прямоугольном), размещенных в итоге на территории монастыря и рядом с ним, неподалеку друг от друга⁷⁵. Тем более не имело смысла устраивать по соседству, на расстоянии 15 м, вблизи вырубной могилы №2100 и склепа №2101 еще одно мощное сооружение для забора воды, которое буквально повторяло приспособление, обнаруженное внутри галереи под крестообразным храмом. Оно представляло собой вырубленный в скале колодец цилиндрической формы сверху и грушевидной снизу, диаметром 1,15 - 2,22 м и глубиной 7,27 м с отдельным к нему наклонным крутым ступенчатым ходом, «потолок которого волнообразными выемками в скале приспособлен для удобного спуска»⁷⁶. Эта лестница вела к площадке с прорубленным арковидным отверстием, через которое можно было брать воду из колодца, подобно тому, как это делалось в подземной галерее. Химические анализы воды из этого колодца и из подземной галереи показали, что в начале XX в. она была не пригодна к употреблению по причине повышенного содержания солей и особенно хлористых соединений, почти в 10 раз превышавших норму⁷⁷. Возможно, объяснение феномена кроется не только в близости уровня моря или загрязнении почвы мочей: эти обстоятельства в связи с сокращением притока могли лишь гипертрофировать и в конечном итоге испортить особые свойства здешних подпочвенных вод, вообще богатых хлористым натрием, что должно было придавать им слабительный лечебный эффект. Во всяком слу-

чае, А. Л. Бертье-Делагард, вероятно, не знакомый с результатами анализов 1905 г., считал ее «несколько жесткой, но хорошей, пресной», а к середине XX в. она, согласно исследованию лаборатории отдела почвоведения КФ АН СССР, вообще стала вполне пригодной для питья, что можно объяснить происшедшими гидрологическими изменениями, прежде всего, увеличением притока, потеснившего близкую морскую воду⁷⁸.

Превращение небольшого храма-мартирия в значительный храмово-монастырский комплекс обнаруживает несомненные параллели с одноименным прославленным константинопольским Влахернским храмом Богородицы, построенном в начале правления Льва I, в 458 г., тоже в загородном монастыре, недалеко от берега оконечности бухты Золотой Рог. Лишь при Ираклии (610 - 641) он был окружен крепостной стеной, которая включила северо-западную оконечность столицы - Влахерны в единый комплекс фортификационных сооружений⁷⁹. Здесь находилась пристань, что тоже напоминает о близости пристани в Карантинной бухте Херсона⁸⁰.

Начиная с V в. вокруг личности Марии стало особенно бурно, безудержно развиваться почитание, а близость Марии к Христу вела к росту доступных разумению простого верующего преданий, которые сообщали о ее телесном прославлении после смерти, «взятии на небо», что нашло свое отражение в праздновании «Кимесиса» (Koimesis) - Успения, справляемого 15 августа⁸¹. Благодаря хранившимся во Влахернской цер-

кви посмертным одеждам Богородицы, особенно ее покрывалу - омофору, принесенному в Константинополь из Палестины св. братьями Гальвием и Кандидом, и в 474 г. помещенным в особом ларце - кивотии, храм очень скоро стал одним из наиболее почитаемых в Константинополе⁸². Знаменитая икона Влахернской Божией Матери («Одигитрия»), по преданию, была написана самим евангелистом Лукой, и ее удалось спасти от уничтожения даже во времена иконоборчества⁸³. Реликвии храма получили чудотворное значение, превратились в мощнейший оберег империи, особенно после того, как ромен приписали им избавление Константинополя от осады персов и аваров в 626 г.⁸⁴. Очевидно, херсонесский храм во имя Богородицы Влахернской, дочерний по отношению к одноименному константинопольскому, тоже имел такое же защитное значение, причем не столько военно-стратегическое, в смысле пригородной крепости-монастыря, сколько влиятельной христианской святыни. Нет сомнений, что Херсон оставался оплотом православия, «исповедующим традиционные культы и почитающим общепризнанные святыни христианского мира»⁸⁵. Сама же идея построить у себя новый одноименный столичному храм могла родиться у херсонитов как раз к тому моменту, когда слава реликвий Влахернской Богородицы достигла апогея к концу первой трети VII в. Вот тогда-то или накануне они и решились на снос прежнего, еще не очень старого, но тесноватого кладбищенского храма и заложили крепостной, мемориальный, которому

оказалось суждено простоять века и пережить сам город, доверенный его небесной покровительнице⁸⁶. Примечательно, что прославленная Десятинная церковь — старейший каменный храм на Руси, завершенный в 996 г., тоже оказался связан с указанной херсонесской святыней, поскольку астрономические азимутальные расчеты осевой ориентации киевского храма позволяют считать днем его закладки 2 июля - день Положения Ризы Богородицы во Влахернах⁸⁷.

Таким образом, архитектурный строй монастыря Богородицы Влахернской начался с возведения в V в. малого раннего храма, в VI в., не ранее времени правления Юстиниана, а скорее, около середины столетия, он был снесен и заменен просторным крестовидным мавзолеем, после чего к концу VI - началу VII вв. последовала его доделка и одновременно переделка в церковь «обычного культа», сопровождавшаяся устройством алтаря для отправления литургии, мраморного пола, при-

стройкой помещения баптистерия с водоемом, комплекса сводчатых жилых помещений с северной стороны и, возможно, еще одного сводчатого открытого строения с сиденьями (часовни для укрытия богомольцев, особенно больных). Все это было обнесено по периметру прямоугольной или восьмиугольной оградой - периволом с кладкой *opus mixtum*, внутри которой находился не только мавзолеев, но и мощная агисма, посвященная Богородице - целительнице. Следовательно, в одном сооружении совмещались разные обряды - «обычный», мемориальный, крещальный и целительный культы, что в ромейском мире встречалось не часто и заслуживало исключительного значения. В таком виде монастырь Богородицы Влахернской просуществовал на протяжении всего раннего средневековья, до следующей переделки, последовавшей не ранее XI вв., всегда оставаясь для херсонитов особым святым местом с «живоносной водой».

Примечания

1. Усыпальницы, могилы были чаще всего вырубные, хотя встречались и грунтовые, особенно ближе к берегу Карантинной бухты, с южной стороны расположенного здесь крестообразного храма. См.: Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. - Д. № 11. - Л.28; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. - Д. № 14. - Л.37.
2. Theodori Studitae orationes et epistulae // PG. - 1864. - Т.99. - Col.1524 (письмо к Григорию). Остальные пять мистерий: «просвещение» (крещение); собрание или община (*synaxis*), то есть Евхаристия; совершенство миропомазания; совершенство священства (рукоположение в священники или епископы); монашеское совершенство (монашеский постриг). Это отличается от перечня семи таинств, принятых католической и русской православными Церквями: крещение, конфирмация (миропомазание), Евхаристия, покаяние (исповедь), елеопомазание, брак, духовный сан (ср.: Мейендорф И. Византийское богословие. Исторические направления и вероучение. - М., 2001. - С.104).
3. Отчет за 1902 год // Архив НЗХТ. - Д. № 11. - Л.2; Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1904. - Вып.9. - С.31

4. См.: Тункина И.В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX в.). - СПб., 2002. - С.486, 487
5. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. - 1881. - Т.12. - С.107 - 108
6. Сумароков П.И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду. - СПб., 1803. — Ч.1. - С.205 - 206
7. Голубинский Е.Е. История Русской церкви. - СПб., 1904. - Т.1. — Ч.2. - С.552
8. Отчет за 1902 год. - Л.2; Извлечение из отчета ... 1902 году. - С.31
9. Бертъе-Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. - 1906. - Т.26 (Ч.5). - С.6
10. Отчет за 1902 год. - Л.2 (размер плинф указан 35 x 23 x 4); Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.31 (размер плинф - 40 x 23 x 3,5); Фон Штери Э. Новый эпиграфический материал // ЗООИД. - 1906. - Т.26 (Ч.5). - С.76; Айналов Д.В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1905. - Вып.1. - С.105. Разность обмеров плинфы в архивном и изданном отчете, видимо, объясняется колебаниями длины и ширины кирпичей в 5 см, а их толщины - в 0,5 см. Толщина слоя извести была более стабильной - 5,5 см. Всего мне известно 16 случаев использования кладки *opus mixtum* в Таврике, из них лишь один сравнительно далеко от Херсонеса. За исключением сомнительных свидетельств относительно Восточной, Западной базилик и базилики 1932 г., остается еще 12 сооружений в городе и совсем рядом с ним. Если учесть некоторое число точно датированных памятников - реперов с такой системой кладки, можно сделать вывод, что наиболее интенсивно этот строительный прием, известный с первых веков н.э. и особенно широко распространенный в IV - V вв., в Херсоне использовали во второй половине - конце VI в. вплоть до начала VII в. В пользу этого вывода говорит также число рядов кирпича (4 - 6), типичное для ранневизантийского времени, и, самое главное, толщина слоя раствора между рядами кладки. В V в. и в доюстиниановское время этот слой примерно равен толщине кирпича, в эпоху Юстиниана I и в постюстиниановское время, он, как правило, в полтора - два раза превышает по толщине плинфу (ср.: Бобчев С. Смесената зидария в римските и ранневизантийските строежи // Известия на Археологическия институт. - София, 1961. - Т.24. - С.153 - 202; Чанева-Дечевска Н. Рано-християнска архитектура в България IV - VI вв. - София, 1999. - С.115; Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - М., 2002. - С.108 - 109, 127 - 129, 253).
11. Ср.: Косцюшко-Валюжинич К.К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 году // ИАК. - 1901. - Вып.1. - С.51 - 52, рис.44 (смежные цистерны «ж» и «з» на месте одного из помещений так называемой «казармы» и цистерна «е» в углу пилона древнегреческих ворот и 16 куртины, которые без обоснования отнесены автором отчета к «римской эпохе»)
12. Айналов Д.В. Указ. соч. - С.111
13. Косцюшко-Валюжинич К.К. Второе дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 г. Окончательное расследование алтарной части крестного храма в 1906 г. // ИАК. - 1906. - Вып.20. - С.96, 100
14. Это очень напоминает устройство крестового храма № 27 на агоре и крестового «храма с ковчегом» (Айналов Д.В. Указ. соч. - С.111).
15. О возможности такого стихийного бедствия, постигшего Херсон ко второй четверти XI в. и потевавшего длительных строительных восстановительных работ см.: Романчук А.И. «Слои разрушения X в.» в Херсонесе // ВВ. - 1989. - Т.50. - С.182 - 188; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000. - С.300 - 301, 322 - 324
16. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40, 42; Отчет за 1902 год. - Л.7 - 8 (монета с «р» не относится к выпуску времен Романа I, как полагали долгое время).
17. Отчет за 1902 год. - Л.3

18. Lemerle P. Philippines et la Macedoine Orientale a l'epoque chretienne et byzantine. - Paris, 1945. - P.336
19. Кауфман С. [Рец.] // ВВ. - 1964. - Т.25. - С.253 (Khatchatryan A. Les baptisterres paleochretiens: Plans, notices et bibliographie. - Paris, 1962)
20. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - М., 2002. - С.415
21. Ср.: Dufay V. A propos du bapteme: l'evêque, la ville et la campagne // Actes du XIe Congress International d'Archeologie Chretienne. Lyon - Aosta, 21 - 28 sept. 1986. - Rome, 1989. - Vol.1. - P.637 - 645; Завадская И.А. Баптистерии ранневизантийского Херсонеса // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. - Севастополь, 2001. - С.34 - 35
22. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.142, рис.40
23. Sodini J.-P. Les eglises de Syrie du Nord // Naissances des arts chretiens: Atlas des monuments paleochretiens de la France. - Paris, 1991. - P.365; Хрушкова Л.Г. Указ. соч. - С.142 - 143
24. Ср.: Хрушкова Л.Г. Указ. соч. - С.146
25. Отчет за 1902 год. - Л.27
26. Айналов Д.В. Указ. соч. - С.109. Следует отметить, что пристройка оказалась над вырубленной в скале гробницей с двумя боковыми нишами - лежанками. Среди погребального инвентаря (несколько бронзовых браслетов, сережек, пронизей) особого внимания заслуживает монета Феодосия I и «две глиняные малые лампочки крайне грубой работы», которые относятся к V - VI вв. (Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.18, №1405).
27. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.44, рис.25; Айналов Д.В. Указ. соч. - С.114
28. Ср.: Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. - К., 1988. - С.29 - 30
29. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе // ИАК. - 1907. - Вып.21. - С.68 - 69, пом. E1 и E2
30. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.24, №1430
31. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.42 - 43, рис.23, 24
32. Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. - С.69
33. Отчет за 1906 год // Архив НЗХТ. - Д. № 15. - Л. 9 об; ср.: Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40
34. Отчет за 1902 год. - Л.5; Бертъе-Делагард А.Л. По поводу раскопок в Херсонесе. - С.4
35. Якобсон А.Л. раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. — №63. - С.250 - 251
36. Фирсов Л.В. Ориентировка средневековых храмов Херсонеса Таврического // Архив НЗХТ. - Д. № 868. - Л.25
37. Протоиерей Александр Педин. Топография христианского Херсонеса IV - XIV века: Дисс. ... канд. богословия / Московская Духовная академия. - Сергиев Посад, 2001 (рукопись). - С.77
38. Grabar A. Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et l'art chretien antique. - Paris, 1946. - Vol.1. - P.154 - 159
39. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. - С.110 (там же библиография)
40. Скубатов М.И. Закладные камни с крестами, встречающиеся в херсонско-византийском строительстве, общественных и частных зданиях // ИТУАК. - 1910. — № 44. - С.46 - 47, рис.3; Айналов Д.В. Указ. соч. - С.107, рис.78
41. Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения креста Господня // Православные древности Таврики (Сборник материалов по церковной археологии). - К., 2002. - С.42 - 45, рис.59
42. Судя по процарапанным на штукатурке двум неразборчивым, похоже, надгробным надписям над нишей - аркосолием, в этом склепе были похоронены христиане, причём усыпальница, похоже, продолжала действовать вплоть до возведения большого крестообразного храма (Отчет за 1906 год. - Л.8 об. - 9; Таврическая губерния. Раскопки в

- Херсонесе // ОАК за 1906 год. - СПб., 1909. - С.82 - 83, рис.88, 89; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.69 - 70).
43. Очевидно, от даты сохранились два знака с цифровым значением 99 (Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.40 - 41, рис.19, прим.1; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. - СПб., 1896. - С.27, № 14).
44. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.52, рис.31 а - б; Залесская В.Н. Ранневизантийские мраморные блюда в собрании Эрмитажа // ВВ. - 1976. - Т.37. - С.207 - 208 (автор полагала, что это части «блюда для даров»); Бернацки А.Б., Кленни Е.Ю. Епископская базилика и резиденция V - VI вв. в Нове (Moesia Secunda) // Церковная археология Южной Руси. - Симферополь, 2002. - С.100
45. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.113 - 114, 376 - 377, 407
46. Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - С.482
47. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.34, рис.14
48. Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.19, № 1407 (подобная деталь амвона, по словам автора раскопок, была найдена в 1901 г. в Западной базилике, где, вероятно, был двухлестничный амвон константинопольского типа с возвышением - балконом); ср.: Бернацки А.Б. Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси. - Симферополь, 2002. - С.75.
49. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. - 1993. - Вып.3. - С.316
50. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование... — С.315; ср.: Домбровский О.И. Средневековый Херсонес // Археология Украинской ССР. - К., 1986. - С.542 (здесь автор ошибочно написал о наличии под первоначальным храмом или часовней только одного склепа с тремя нишами - лежанками и датировал постройку VI в. на основании найденных под плитами ее пола «монет Феодосия и Юстиниана», хотя на самом деле монет Юстиниана I здесь не было); И.А. Завадская тоже относит возведение загородного малого храма ко времени «не ранее конца IV - начала V вв.» и считает возможным видеть в нем один из самых ранних христианских храмов Херсонеса - Завадская И.А. Христианство в ранневизантийском Херсонесе (по культовым памятникам): Дисс. ... канд. ист. наук. / Таврический нац. университет им. В.И. Вернадского. - Симферополь, 2000. - С.130; Завадская И.А. Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. - 2000. - Вып.7. - С.79.
51. Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование... — Рис.19,1; 20, 21; 22,2; 23,2; 25; ср.: Сорочан С.Б., Шевченко А.В. Западнопонтийские светильники II - VI вв. из Херсонеса // Вестник Харьковского университета. - 1983. — № 238. - С.97-100, рис.5-6; 49, №94-104, 108-110; Сазанов А.В. Амфорный комплекс первой четверти VII в. н.э. из северо-восточного района Херсонеса // МАИЭТ. - 1991. - Вып.2. - С.69 - 70, №9; Сазанов А.В. Тонкостенные красноглиняные амфоры типа 95 по И.Б. Зеест: типология и хронология // Петербургский археологический вестник. - 1992. — № 2. - С.100 - 113; Hayes J.W. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2: The Pottery. - Princeton, 1992. - P.63, type 3; Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсонеса. - Екатеринбург, 1995. - С.44, табл. 13, класс 22
52. Ср.: Айналов Д.В. Мемория св. Климента и св. Мартина в Херсонесе // Древности. Труды Московского археологического общества. - 1916. - Т.25 (отд. отт.). — С.18; Якобсон А.Л. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. - 1988. - Т.49. — С.164
53. Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum // PG. — 1853. — Т.129. — Col.686 C; Istorija syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes kai ton osion Maximon kaiton sun auto // Елифанович С.Л. Материалы к изу-

- чению жизни и творений преп. Максима Исповедника. - К., 1917. - С. 16. 16 - 23, sec.5; Vasiliev A. The Goths in the Crimea. - Cambridge (Mass.), 1936. - P.78
54. См.: Извлечение из отчета ... в 1902 году. - С.50, рис.29; Косцюшко-Валюжинич К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.67; Залеская В. О сюжетах двух херсонесских рельефов с «вьемчатым» фоном // СГЭ. - 1976. - Т.41. - С.35 - 36, рис.1; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. - Харьков, 2000. - С.487 - 489
55. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.53
56. См.: PL. - Т.87. - Col.506; Айналов Д.В. Мемории ... - С.18
57. Такую же ошибку допускает А. Пелин, полагающий, что папа Мартин I был погребен «в уже готовый храм» (Протоиерей Александр Пелин. Топография... - С.77). Под последние действительно существовали склепы, в которых, судя по монетам Василия I (867 - 886), Романа I - Христофора (920 - 944), вплоть до X в. включительно совершали многочисленные ингумации на полу и в нишах-лежанках, в том числе в бучковых корытообразных гробах (Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.19 - 20, №1409 - 1411, табл.1), однако при господстве монофелитов едва ли было бы возможно сразу похоронить отступника непосредственно в мартини столь почитаемой церкви, связанной с памятью о «святотомогильнике», вероятно, легендарных первых мучеников Херсонских (ср.: Commemoratio eorum, quae saeviter et sine Dei respectu acta sunt a veritatis adversariis in sacrum et apostolicum novum confessorem et martyrem Martinum papam Romae ... // Mansi J. Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio... - Florentia, 1764. - Т.10. - Col.861; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. — Col.686 C; Istoria syntomos ta kata ton makarion Martinon gegenota papan Romes... - С.16. 16 - 23, sec.5).
58. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С.19 - 20, табл.1; Отчет за 1906 год. - Л.8; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.69; №1406; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. — №63. - С.252, 261
59. Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... - С.400
60. Ср.: Lassus J. Sanctuaires chretiens de Syrie. - Paris, 1944 (1947). - P.182, 216, 306 - 307
61. Ср.: Anastasii Bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. - Col.686 C; Istoria syntomos. — С.16. 16 - 21, sec.5 (речь идет о погребении в монастыре св. Евпрения, умершего в Херсоне в один год с папой Мартином). Очевидно, за размер стадия был взят наибольший, ионийский стардарт (210 м.), поскольку монастырский комплекс находился не ближе, чем в 250 м от 20-й куртины и фланговой башни Зинова (№XVII). О том, что на прилегающем участке ранневизантийского кладбища, охватывавшем площадь около 2 тыс. кв. м и насчитывавшем больше полутысячи погребений, хоронили видных, особо почитаемых духовных особ говорит находка в насыпи здешнего некрополя бронзового позолоченного навершия пастырского посоха в виде полумесяца с крестом внутри (одного из двух известных аналогичных), а в некоторых склепах и вырубных могилах - подсвечника, бронзовых круглой курильницы на трех цепочках, лампадной цепи в сочетании с серебряным натальной крестом и бронзовой монетой Юстиниана I, куска кипарисовой доски, по-видимому, от гроба и остатков ткани с золотой вышивкой (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. - СПб., 1893. - С.34; Отчет Заведующего раскопками в Херсонесе за 1893 год // ОАК за 1893 год. - СПб., 1895. - С.74, №44; Русские древности в памятниках искусства издаваемые графом И. Толстым и Н. Крондаковым. - СПб., 1891. - Вып.4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. - С.24; Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. - Д. №14. - Л.43; Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. - 1907. - Вып.25. - С.125, вырубная, не покрытая плитам могила №2122; Лепер Р.Х. Дневники раскопок херсонесского некрополя // Х. сб. - 1927. - Вып.2. - С.195, склеп №31 / 1909 г.; Залеская В.Н. Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // Цер-

- ковная археология. - СПб.; Псков, 1995. - Т.1. - С.52). Примечательно, что известняковое надгробие с точно таким изображением - вырубленным вглубь полумесяцем и греческим равносторонним крестом было найдено в этом же некрополе в ограбленном склепе № 2130 со скругленными углами и с двумя боковыми нишами - лежанками, где кости лежали в беспорядке (Косцюшко-Валюжинич К. Извлечение из отчета о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1906 году // ИАК. - 1909. - Вып.33. - С.52). VI-VII вв. датируется еще одно надгробие из песчаника в виде креста, на котором была вырезана надпись «О памяти и упокоении Стефана, Стефана и Христофора пресвитеров. Аминь» (Производство археологических раскопок в Херсонесе // ОАК за 1890 год. - СПб., 1893. - С.35, №19; Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из южной России. - СПб., 1896. - С.31-32, № 24; Византийский Херсон. Каталог выставки. - М., 1991. - С.28, № 13). Очевидно, знатные, состоятельные херсонитские христиане стремились упокоиться поближе к «святым могилам», о которых упоминает источник. Недаром здесь и на противоположном берегу Карантинной бухты открыто восемь склепов с настенной фресковой живописью, изображающей стеклянный сосуд для причастия, павлинов, голубей или куропадок, гириянды, цветы, то есть райский сад, а на потолке - лавровый венок, который являлся символом Царства небесного, победы над смертью. Место же, ближайшее к храму, было наиболее почетным и на его обустройство в свое время тратились громадные средства. Так, одна из гробниц у храма оказалась выложена мраморными плитами, украшенными рельефными крестами и орнаментом, а рядом лежала напольная мозаика, к сожалению, почти погибшая, так как роскошная усыпальница, очевидно, не имела покрытия (см.: Зубарь В.М., Хворостяной А.И. От язычества к христианству. - К., 2000. - С.58-88, рис.21; с.144-154; Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель... - С.483-485).
62. Извлечение из отчета К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1904. - Вып.9. - С.33-34; Косцюшко-Валюжинич К. Дополнение к отчету о раскопках в Херсонесе в 1902 году // ИАК. - 1905. - Вып.16. - С.111; Айялов Д.В. Развалины храмов. - С.109; Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе - С.64. Весьма близкий состав имел заклад у водосливного канала баптистерия около Уваровской базилики: он включал 22 бронзовые монеты от Валентиниана I до Маврикия, причем монет Юстиниана I тоже было большинство — 12 (Бертъе-Делагард А.Л. О Херсонесе. — С.74-79). Поэтому, не исключено, что среди названных выше 5 монет, оставшихся не определенными в силу плохой сохранности, могла находиться монета Маврикия.
63. Следует также учесть, что купель была пристроена к стенке апсиды, покрытой уже двумя слоями штукатурки, то есть пережившей два ремонта, а само помещение, ставшее крещальной, как уже сказано, было в свою очередь пристроено к капитальной стене храма (с перегородкой двух окон в две двери). Следовательно, баптистерий несколько старше храма, и только. Отнесение храма к X в., или даже позже, на основании случайных признаков — находок нескольких фрагментов поздневизантийской керамики под мозаичным полом храма и в кладке безусловно позднего синтрона, а также монеты с монограммой «ро» едва ли не конца XI - XIII вв. в кладке одной из внутренних, явно позже и наспех сооруженных стен, весьма сомнительно (ср.: Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование Загородного крестообразного храма ... - С.294, 302-303, 316-317; Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. - 1959. — № 63. - С.206-207; Якобсон А.Л. Средневековый Крым. - М.; Л., 1964. - С.155, прим. 78). Скорее, в это позднее время большой храм, уже известный составителю мартирия папы Мартина, дописывавшего концовку жития вскоре после смерти мученика в 655 г., перестраивался, на что указывают наличие у него нового перекрытия, заклады боковых дверей и переделка первоначальной крестовидной формы, присущей византийским храмам - мартириям, построенным не позже VII в., в обычный храм с обособленным алтарем в восточной части здания. Тогда не надо будет обвинять К.К. Косцюшко-Валюжинича и его рабочих в небрежности, едва ли не винить их за то,

- что они нашли «подозрительный» заклад с монетами эпохи Юстиниана I или, того лучше, изобретать умозрительную, надуманную, сказочную версию о том, что «в позднее время в постройке храма мог быть сделан, как бы в воспоминание о прежнем храме, заклад из тех именно монет, которые по времени соответствовали первому, уже не существующему храму». Поздней постройке храма не соответствует также устройство типового вырубного склепа под ним, поскольку такие сооружения уже не возводились в X - XI вв. Между тем, усыпальница № 1406, обнаруженная в 1902 г., была сооружена, очевидно, уже после возведения крестообразного храма под его правой (южной) ветвью, причем над двухступенчатым входом в нее в свою очередь, а значит, еще позже, было возведено помещение, в котором со временем была устроена купель. Над усыпальницей оказалась типичная вырубная могила более раннего времени, которую строители склепа заложили бутовым камнем на извести. Поверх же прошел мозаичный пол храма, причем местами через щели в могилу просочился цементный раствор (см.: Извлечение из отчета... в 1902 году. - Табл. I; Косцюшко-Валюжинич К. Третье дополнение к отчету за 1902 год. — С. 69; Отчет за 1906 год. - Л. 8). Л. В. Фирсов верно заметил, что «отказавшись от ранней даты не просто объяснить постройку храма на некрополе Херсонеса, если сам некрополь возник здесь еще в раннем средневековье». Еще труднее объяснить как и почему здесь с V - VI вв. без перестроек и обновлений вплоть до X - XI вв. мог просуществовать малый ранний храм.
64. Khatchatrian A. Origine et typologie des baptisteres paleochretiens. - Mulhouse, 1982. - P. 76
65. Ротач А. Л. К изучению мозаичного пола крестообразного храма в Херсонесе // ВВ. - 1967. - Т. 27. - С. 333; Завадская И. А. Еще раз о датировке загородного крестообразного храма // Восток - Запад: межконфессиональный диалог. Тезисы докл. и сообщ. - Севастополь, 2002. - С. 14. Входящие в состав мозаичного ковра медальоны с изображением листьев, цветов, плодов, животных находят очень близкие аналоги среди ранневизантийских храмов Иордании (церковь св. Исайи в Джераше, 559 г.; церковь св. Георгия, приблизительно 560 г., церковь св. Апостолов, 578 г., дворец Буренд конца VI - начала VII вв. в Мадабе; комплекс св. Стефана, церковь епископа Сергия, 587 - 588 гг., так называемые «церковь рек», конец VI в., «церковь пальмы», начало VII в. в Умм Аль Расасе) (см.: Picirillo M. The Mosaics of Jordan. - Amman, 1997; Harrison T. Madaba: Cultural Heritage. - Amman, 1996; The Ummayyads. The Rise of Islamic Art. - Amman, 2000. - P. 102, 106).
66. Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель... - С. 634 - 637
67. Commemoratio... - Col. 861; PL. - 1851. - Т. 87. - Col. 120; Anastasii bibliothecarii Collectanea. Scholion sive Hypomnesticum. - Col. 686 C; Istoría syntomos ta kata ton makarion Martinon... - С. 16. 16 - 23, sec. 5; Айналов Д. В. Мемории св. Климента и св. Мартина... (отд. оттиск) - С. 17; ср.: Бертье-Делагард А. Л. О Херсонесе. - С. 45; Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма... — С. 309
68. Извлечение из отчета... в 1902 году. - С. 47, 48 (всего в галерее насчитывалось 30 таких вырубленных в скале углублений, покрытых копотью).
69. PL. - Т. 89. - Col. 520
70. Baronius C. Annales ecclesiastici. - Moguntiae, 1604. - Т. 8. - Ann. 654
71. См. Залеская В. Н. Прикладное искусство // Коллекция музея РАИК в Эрмитаже. - СПб., 1994. - С. 159, № 252; Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии IV - XII вв. - СПб., 1997. - С. 30. Практика устройства св. источников - агнасм была известна и за пределами раннесредневекового Херсона. К примеру, небольшая скальная часовня с агнасмой входила в состав «пещерного» монастыря, расположенного на северо-восточном склоне Тепе-Кермена (Петровский В. А. Православные памятники Тепе-Кермена // Православные древности Таврики. - К., 2002. - С. 93 - 96). Память о них долго сохранялась даже среди крымских мусульман, которые называли такую святую воду аясмой, в чем легко улавливается исконное греческое название (Смирнов В. Ф. Крым-

- ское ханство. - СПб., 1887. - С. 7 - 8) Почитание таких мест и вера в целебные свойства подобных источников нашли отражение в топонимике Крымского полуострова. Так, название Аласма носит местность в районе Мухалатки (Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах // ЗООИД. - 1881. - Т. 12. — Ч. 1. - С. 144). Асмой именуется приток Салгира (Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. 3. - СПб., 1875. - С. 101). Аязма - кая (Кильсе-Кая) - возвышенность в среднем течении р. Отуз, возле урочища Ялы-Богаз, к югу от с. Щebetовка (быв. Отуз). На возвышенности лежат руины церкви, а ниже находится родник (Белянский И. Л., Лезина И. Н., Суперанская А. В. Крым, географические названия. - Симферополь, 1988. - С. 27). Аязма - прибрежное урочище с одноименным источником к востоку от Балаклавы. До 20-х гг. XX в. место посещалось греками из Балаклавы и с. Камара (ныне Оборонное), равно как и татарами из сел Варнутской долины в «водолечебных» целях, а также для совместного празднования пасхи и навруза. Выше и западнее источника здесь лежат остатки храма, а ниже к западу расположен еще один храмовый комплекс (Разведки А. В. Иванова, О. Я. Савели, А. А. Филиппенко; Иванов А. В. Навигационно-археологическое обозрение побережья Юго-Западного Крыма от мыса Херсонес до мыса Сарыч // Морська торгівля в Північному Причорномор'ї. - К., 2001. — С. 232). Аязма - св. источник в с. Крачел (ныне - Чернополье, Белогорского р-на), издавна почитаемое место, ныне благоустроенное для проведения православных обрядов в связи с восстановлением прихода при церкви Св. Царей Константина и Елены (построена в 1912 г.). Аязма - лесное урочище с источником в 4 км к югу от с. Дозорное (бывшее Уйшунь) Белогорского р-на. Рядом с источником на всхолмлении развал камней размерами около 6 x 8 м, возможно, следы храма. Старожилы близлежащих сел Дозорное и Кизилное (Джемрек), которые до 1778 г. были греческими, припоминают, что это глухое ныне место прежде было весьма популярным (подборка сведений о крымских топонимах, являющихся калкой с греческого термина агнаσμα, любезно предоставлена мне А. В. Ивановым, за что хочу выразить ему благодарность).
72. См.: Bakalopoulos A. A. Istoría tes Thessalonikes. - Thessalonike, 1983. - P. 35-36; Залеская В. Н. Прикладное искусство Византии ... - С. 32; Сорочан С. Б. Византия IV - IX веков: этюды рынка. - Харьков, 1998. - С. 225-226, 241-242
73. Ср.: Donceel-Voutre P. L'inévitable chapelle des martyrs: identification // Martyrium in multidisciplinary Perspective: Memorial L. Reekmans / Ed. M. Lamberigts, P. Van Deun. - Leuven, 1995. - P. 191, n. 42
74. Домбровский О. И. Архитектурно-археологическое исследование... — С. 310
75. См.: Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича... в 1902 году. - С. 44-45, табл. II. О значительности, фундаментальности сооружения свидетельствует его долгая сохранность даже после того, как оно не поддерживалось в рабочем состоянии. В конце XVIII в. посетивший эти места П. С. Паллас принял водоносную галерею под руинами здания за «развалины подземного водопровода» (Путешествие по Крыму... - С. 107 - 108). А. Л. Бертье-Делагард отмечал, что колодец и связанный с ним «подземный ход» не забывался вплоть до Крымской войны, когда он был заложен, чтобы не дать противнику воспользоваться водой (Бертье-Делагард А. Л. По поводу раскопок в Херсонесе // ЗООИД. - 1906. - Т. 26 (Ч. 5). - С. 8). Качество этой воды было к тому времени уже подпорчено стоками, но это не значит, что оно было таким в период функционирования монастырского комплекса. Примечательно, что К. И. Габлиц, описывая подземную галерею в «Изыяснении плана развалин древнего Херсона» по съемке 1786 г. упомянул о ее колодце «с чистою пресною водою, которая истекает из окна и, разливаясь по пещере в обе стороны, скрывается неизвестно куда» (см.: Тункина И. В. Русская наука... - С. 486).
76. Очевидно, при устройстве колодца в его стене вырубил выемки для ног. Сооружение было найдено полностью засыпанным землей, содержавшей кости животных и людей (Отчет за 1905 год // Архив НЗХТ. - Д. № 14. - Л. 43; Таврическая губерния. Раскопки в Херсонесе // ОАК за 1905 год. - СПб., 1908. - С. 56 - 57, рис. 63 а - в, табл. VI;

- Косцюшко-Валюжинич К.К. Отчет о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1905 году // ИАК. - 1905. - Вып.25. - С.125 - 126, рис.17 а - в).
77. Годзишевский А. 1. Исследование воды из колодца, прилегающего к южной стене «крестного храма», открытого в 1902 г. 2. Исследование воды из 2-го колодца, открытого в 1905 г. при раскопках некрополя с южной стороны того же «крестного храма» // ИАК. - 1907. - Вып.25. - С.170 - 171
78. Бертье-Делагард А.Л. О Херсонесе. - С.45; Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма... — С.309
79. См.: Кондаков Н.П. Византийские церкви и памятники Константинополя // Труды VI Археологического съезда в Одессе. - Одесса, 1887. - Т.3. - С.14 - 27; Janin R. La geographie ecclesiastique de l'Empire byzantine. Les eglises et les monasteres. - Paris, 1953. - P.169 - 179, 249; Влахеры // Христианство. Энциклопедический словарь. - М., 1993. - Т.1. - С.369
80. Ср.: Janin R. Op. cit. - P.225 - 227
81. Мейнедорф И. Византийское богослужение. Исторические направления и вероучение. - М., 2001. - С.288 - 289, 333 - 335
82. Память о положении Риз Богородицы во Влахерах ежегодно празднуется Церковью 2 июля (см.: Поселянин Е. Богоматерь. Полное иллюстрированное описание ее земной жизни и посвященных ее имени чудотворных икон. - К., 1994. — Ч.2. - С.407 - 409; Полный православный богословский энциклопедический словарь: Содержит объяснения всех св. православной Церкви, ее учения и жизни и понятий по вопросам богословским. - М., 1992. — Ч.1. - Стлб. 1835; Риза Православной Богородицы // Христианство. Энциклопедический словарь. - М., 1995. - Т.2. - С.488).
83. Полный православный богословский энциклопедический словарь. - Стлб.534
84. Cameron A. The Virgins Robe. An Episode in the History of Early Seventh - Century Constantinople // Byzantium. - 1979. - Vol. 49. - P.42 - 47
85. См.: Алексеев Н.А. Христианские сюжеты на печатях представителей херсонесской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в национальном регионе. - Севастополь, 2001. - С.51
86. С.П. Шестаков предположил, а Д.В. Айналов убедительно доказал, что именно в этом загородном храме Богородицы, согласно «Слову о том, како крестится Владимир, возмвзя Корсунь», приняла крещение дружина князя в 989 г. (см.: Шестаков С. К вопросу о месте крещения св. Владимира. - Казань, 1908. - С.16 - 17; Шестаков С. П. Очерки по истории Херсонеса в IV-X веках по Р. Хр. // Памятники христианского Херсонеса. - М., 1908. - Вып. 3. - С.89 - 90; Айналов Д.В. Мемории св. Климента и св. Мартина... - С.20 - 22).
87. Кабанец Е.П. Про посвяту Десятинной церкви // Археологія. - 2000. — № 4. - С.60 - 61